КАРРОН: «НЕУРАВНОВЕШЕННАЯ СИЛА ХРИСТИАНСТВА»

Какую роль в общественном кризисе играет Церковь? «Человек нуждается в том, чтобы его обнимали во всей его "человеческой сущности"». Об этом президент Братства «Общения и освобождения» рассказал в интервью газете *L'Osservatore Romano*.

Андреа Монда

В разговоре с Хулианом Карроном, президентом Братства «Общения и освобождения», размышления о современном кризисе в обществе и о роли Церкви, уже какое-то время не сходящие с наших страниц, охватывают всю Европу.

Социолог Джузеппе Де Рита, размышляя в нашей газете о современном кризисе итальянского и европейского общества, сделал отсылку к прошлому, когда в Средние века благое правление общины опиралось на два авторитета: гражданский, гарантировавший безопасность, и духовный, говоривший людям о смысле существования. Эти два авторитета не могут быть сконцентрированы в одном человеке, в Европе же тенденция концентрировать власть — явление частое. Какова в таком контексте роль Церкви, а следовательно, и ее ответственность?

На самом деле эти два аспекта тесно связаны. В сердцах многих людей заметна тень великого страха, глубинной неуверенности. О чем речь? Как к этому подступиться? Если человек не находит решительного ответа на свой страх, последний его одолевает и вызывает беспорядочные реакции. Как бы то ни было, совершенно очевидно, что политика не в состоянии, не может быть в состоянии ответить на всю нашу тревогу относительно уверенности и на смятение, которое есть в нас. И тут выявляется подлинный вопрос. Общество, со всеми его институтами, партиями, объединениями, школами всех степеней и уровней, а также с его живыми реалиями, общинами, Церковью, стоит перед вызовом: кто отвечает на нужду в уверенности, возникающую вместе со страхом? В ответе на этот вопрос нельзя полагаться ни на какие стены. Когда в воздухе витают самые враждебные настроения, когда человек человеку волк, когда любой человек или вещь превращается в потенциального врага, ответ невозможно ограничить «стражами порядка» или «стенами».

Сегодня кажется, что страх стал самым распространенным чувством, хотя, как ни парадоксально, общество никогда не имело столь высокого уровня защиты. С чем это связано?

Как раз с тем, что проблема страха корнями своими уходит прямиком в вопрос о смысле. Ответ на неуверенность не может быть лишь социальным ответом, он должен иметь отношение к смыслу, поскольку человека нельзя свести лишь к вещественным аспектам. Откуда в конечном счете рождается страх? От потерянности, обитающей в человеческих глубинах. Материальная уверенность не является достаточным ответом для растерянного «я». Это подтверждается тем, о чем напомнили вы: западное общество никогда не жило столь надежно, здраво и мирно, как сегодня, и все же чувство неуверенности и страха возросло. Человеческий страх можно победить

лишь присутствием. Мы видим это в простейшем опыте ребенка. Единственный ответ на его страхи – присутствие мамы, и потому он зовет ее изо всех сил и ничего другого не ищет, ведь ничто другое не в состоянии ответить. В общем, проблема серьезнее, чем представляется. Несколько дней назад во время презентации одной книги в Париже я цитировал французского писателя Уэльбека, который считается чуть ли не символом нигилизма. И все же в глубине его кажущегося нигилизма открывается потрясающая и неистребимая потребность в смысле. В публичном письме, адресованном Бернару-Анри Леви он пишет: «Стыдно признаться, но мне все чаще хотелось, чтобы меня любили. <...> Однако трезвая самооценка не позволила мне безоглядно довериться детской мечте... Но желание любви сильнее здравого смысла, и каюсь, оно и сейчас пересиливает». Автор олицетворяет нигилизм, для него, кажется, все превращается в ничто. Его размышления подсказывают ему, насколько абсурдно даже думать об этом, «но желание любви сильнее здравого смысла, и... оно и сейчас пересиливает». Желание оказывается радикальнее его размышлений. Размышления о том, как абсурдно желать, чтобы тебя любили, и искать ответ на эту жажду, вынуждено уступить пересиливающему желанию. Итак, мы имеем дело и соизмеряем себя с проблемой желания – желания быть любимыми, достичь собственного свершения, которое, если не находит ответ, выражается в страхе, злости, жестокости, в попытках возводить стены. Но у истоков лежит то, что от нас ускользает, - человеческая природа, а она даже в условиях нигилизма, замешательства, потерянности, остается незыблемой. Вызов нам брошен именно на этом уровне.

А может ли на этом уровне вмешаться Церковь?

Думаю, перед Церковью, перед христианами стоит уникальная задача. Действительно, в чем вопрос? В том, кто спасает желание. Какой взгляд необходимо обрести, чтобы не умалять его? В античном мире безмерность желания воспринимали с ужасом, как опасный хюбрис. А значит, нужно было ставить «заслоны», урезать безмерность, возвращая ее в рамки некой меры. Потом появилось христианство. В Евангелии засвидетельствовано присутствие Того, Кто имеет в виду все желание человека. Иисус обращается именно к этому желанию, Он способен смотреть ему в лицо и выявляет все его значение. Вот почему Он спрашивает: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» ($M\phi$. 16:26). Часто мы толкуем этот вопрос с точки зрения морализма, а не как высшее выражение природы человека, его желания, жажды, о которой Иисус говорил самарянке, голода и жажды, упомянутых в Блаженствах. Иисус мог бы обратить внимание на многое другое в той «неправильной» женщине с ее пятью мужьями, но Он смотрит прямо на ее жажду. Ему известно: нужно предложить ей то, что утолит жажду счастья, и только тогда женщина перестанет искать полноту жизни где-то еще, в вещах, которые не в состоянии ее дать. Речь не только о личной проблеме, это проблема общественная. Уэльбек подчеркивает именно публичное, общественное, культурное, политическое ее значение, поскольку если человек не находит ответа, сообразного природе его желания, то он по сути всегда остается в беспокойстве, вечно ищет недостаточные решения и в конце концов становится жертвой страха или насилия. Христианство же способно предстоять перед человеческим желанием, о чем напоминает Августин: «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе», - то есть пока не встретит присутствие, соразмерное глубине желания. Всякий раз, когда христианство переживает кризис, вновь проявляется языческих дух, стремящийся обуздать желание, урезать его, «вернуть его в безопасные пределы», как говорит

Цветан Тодоров, ибо оно снова становится опасным. Бергман в финале фильма «Фанни и Александр» вкладывает в уста одного из персонажей следующие слова: «Мы не подготовлены, не приспособлены к некоторым изысканиям. Лучше всего послать к дьяволу великое. Мы будем жить в маленьком-маленьком мире. И этого нам довольно», лишь бы не выходить за наши рамки. Вот мирская «мудрость», которая, однако, не может лишить нас неистребимой жажды смысла, обжигающей человеческое сердце.

Папа, обращаясь 9 мая к Римской епархии говорил о Блаженствах как о «Нобелевской премии за неуравновешенность» и призывал христиан поддерживать «отсутствие равновесия», поскольку иначе мы всегда будем ставить заслоны в духе прекрасной греческой гармонии, умаляя при этом человечность. Не такой ли риск угрожает Европе, которая, возможно, вплоть до настоящего времени сосредотачивалась на установлении бюрократических заслонов в попытке обеспечить безопасность, но не утоляя неизменно бесконечную жажду человека?

Проблема именно здесь. Все наши намерения, даже самые благие, в конечном счете провальны, если не утоляют эту жажду. Европа приложила неимоверные усилия, чтобы ответить на множество нужд. Ни одна страна в одиночку не достигла бы такого уровня развития, до которого дошли мы. Но в то же время недовольство и затруднения возрастают. Как так? Проблема возникает от непонимания природы «недуга». Меня всегда поражало, с какой гениальностью уловил ее Леопарди: «Все бесконечно мало по сравнению с необъятностью собственной души». Для многих это негативный факт, своего рода невезение, на самом же деле он говорит об инаковости и величии человека. Утрачивая сознание о такой инаковости, о бесконечности нашего желания, мы совершенно не понимаем происходящее. Если Европа не сознает этого, она неизбежно будет давать неокончательные ответы, делая вид, что их достаточно. Давайте проясним: с одной стороны, Европа как политико-экономическая реалия не должна отвечать на высшие потребности, не в этом ее цель; с другой стороны, она должна признавать, в чем состоит природа проблемы и оставлять место для ответа. Европа существует в той мере, в которой созидает и гарантирует пространство свободы, где могут встречаться различные ответы о смысле, поскольку доступ к истине открывается исключительно через свободу (думаю, это стало окончательно ясно после Второго Ватиканского собора). Только если Европа останется таким пространством свободы, будет становиться им все больше, нам удастся разделять богатство, которое те или иные люди обнаружили в жизни, и предлагать его как ответ на потребности и вызовы, стоящие перед нами. Речь о пространстве, где прежде всего оберегается возможность признавать то большее, из чего соткан человек, что всех нас делает людьми, хотя мы все разные, уникальные и сложноустроенные. Именно такой огромный вклад предлагают миру христианство и вера.

Однако кажется, что от затруднений и недовольства люди все чаще переходят к злости и вытекающим из нее эмоциональным реакциям. Примером этого может служить совранизм: если Европа мне не соответствует, я замкнусь в моем маленьком личном или национальном пространстве, где я сам себе государь. Но такие действия больше походят не на решение проблемы, а на почти автоматическую реакцию.

Это реакция, свидетельствующая о некой нехватке. Действительно, человек довольный не испытывает злобы, не «реагирует». Реакция возникает из потребности, не нашедшей ответа, а зачастую даже как следует не осознанной. На мой взгляд, это огромный шанс для христианства. Нигилизм, который мы видим во многих явлениях общественной, культурной, литературной жизни, выявляет открытый, тревожный вопрос о существовании и подтверждает невозможность редуцирования человека. Кто на него ответит? Тут-то и наступает очередь Церкви, в этом ее роль. В силу того, что мы по благодати получили и получаем, на нас, христиан, в описанном контексте возложена решающая задача. Человек нуждается в том, чтобы на него смотрели не урезанным взглядом, чтобы его обнимали во всей его «человеческой сущности». Именно так смотрел Иисус на Закхея, который вроде бы нуждался меньше всех, поскольку был весьма богат; Он уловил в нем подлинную нужду, потребность в том, чтобы на него смотрели, не сводя его к чисто материальным и социальным факторам. Закхей ощутил на себе взгляд, приведший в движение все его «я», побудивший его к действию, и он с великой радостью принял Иисуса. Ответ на его нужду, порой скрытую, порой не до конца осознанную, пришел к нему от Того, Кто не редуцировал то человеческое, что в нем было. Иисус умеет замечать нужду в бедных, которых встречает на Своем пути, в больных и раненых людях Своего времени (Закхей – раненый человек). Подобно Ему и папа сегодня показывает, что знает, как действовать в личных отношениях, в отношениях с другими, свидетельствуя в настоящем о современности взгляда Иисуса.

Складывается впечатление, что и глобализация несколько отступила от своих обещаний, ослабила посредническую силу гражданского общества и возродила противоположное и чрезмерное чувство собственной идентичности. Кризис этой силы и посредников привел к одиночеству и вылился в кризис принадлежности за счет окрепшего чувства идентичности, понимаемого, однако, лишь в индивидуалистском ключе. Христианам есть что сказать и на этот счет?

И их слово имеет решающее значение, поскольку христианство отвечает как раз на одиночество, на одиночество сердца, возникшее от неудовлетворенной и непоколебимой потребности в смысле, утолить которую способно лишь исключительное присутствие, присутствие Христа, воплощенное во встрече с людьми. Подумаем о тех, кто столкнулся с болезнью, кто предстоит перед смертью. Христианство — это не просто разговоры, оно есть воплощенное слово. Слово стало плотью, чтобы каждый человек мог на опыте ощутить присутствие: в жизни и в местах, где крайнее одиночество проявляется наиболее остро. Слово стало плотью, присутствием, чтобы целиком разделить жизнь каждого из нас, ничего не отбрасывая: ни простейших конкретных ее аспектов, ни самого тяжелого одиночества. Церковь по определению является общиной, местомпосредником, которое вводит человека в отношение с конечным смыслом, с Тайной. Она продолжает дело великого посредника — Христа. Христос вводит конкретного исторического человека в отношение с Бесконечным. Не существует «частных» христиан, христианин рано или поздно в силу своей природы порождает общину, места, где можно вместе смотреть в лицо полному, настоящему одиночеству.

Папа Франциск предложил тему или, лучше даже, метод синодальности. Не знак ли это свойственной христианству способности к общественному созиданию?

Мне кажется, это основополагающий момент, ведь жизненный путь нужно проделывать сообща. Вопрос в том, как каждый из нас вместе с другими собирает в общую копилку богатство переживаемого опыта. Шагать вместе в поисках дороги, разделять жизнь, а значит, постоянно предпринимать инициативу и поправлять то, что идет не так, проделывать путь, на котором каждый становится настоящим главным героем, можно лишь в случае, если мы готовы начинать заново, меняться. Провокации реальности «поджидают» нас всегда – это часть человеческого пути, и на нем нас поддерживает помощь тех, кто пришел последним и вернул нам то, что уже стало само собой разумеющимся, помощь людей, от которых мы никогда бы не ее не ждали. Нужно все время быть внимательными, чтобы позволить обогатить себя тому, что Тайна творит, отвечая на наши потребности. Вопрос в том, готовы ли мы признавать любую кроху истины, инициативы, порыва, которые проявляются в жизни Церкви. Меня поразило, как в документе Christus vivit подчеркивается желание принимать и побуждать любую инициативу. Когда это случается в жизни Церкви, мы принимаем все дары, даваемые Богом в Его всецелой свободе. И тогда все способствует благу Церкви, которая, как говорит папа, представляет собой полиэдр. Полиэдрическая фигура напоминает нам, что жизнь не застыла в своей гармонии, ее нельзя свести к чисто логическим схемам. Бенедикт XVI писал в энциклике Spe salvi: «Прогресс, при котором к достижениям прошлого добавляются достижения настоящего, возможен лишь в материальной сфере». Там же, где задействована свобода, все всегда начинается заново, ибо свобода «предполагает, что в принятии основополагающих решений каждый человек и каждое поколение являются новым началом». Вот почему сложно что-либо предсказывать или просчитывать заранее. Хорошо об этом сказал Гете: «Чтобы обладать наследием, доставшимся тебе от отцов, вновь заслужи его». То, что наши предки почитали за благо, – единение после драмы Второй мировой войны, начавшееся с конкретного шага – заключения договора об угле и стали, сегодня нам, достигшим куда большего, кажется ничем. Для них же, напротив, это было весьма конкретное начало пути, который впоследствии расцвел. Поправить можно все, но важно не ставить под угрозу завоевания и прогресс, накопленные за много лет. Если поправки необходимы, их нужно вносить, как и в любом деле. Человек - существо, поддающееся усовершенствованию, как и все, что он созидает.

К голосу папы прислушиваются многие, но в то же время его голос одинок в мире, где, кажется, все движется в других, если не в противоположных направлениях. Не настал ли для христиан момент, когда они должны быть «созидательным меньшинством», о котором говорил Бенедикт XVI?

Множество разных людей признает за папой оригинальность и авторитет. И как раз в тот момент, когда он как будто в одиночестве, проще признать его инаковость. Это означает, что вклад христиан, хотя порой он не столь ощутим с количественной точки зрения, не становится от этого менее важным. Иногда мы связывали нашу способность на что-то влиять только с цифрами. Еще и сегодня многие боятся, что, если мы не занимаем определенные посты или не достигаем определенного числа, наше присутствие становится неважным. Но важность, исторический вес присутствия зависит не от цифр, а от его инаковости. Папа свидетельствует нам об этом: при кажущемся бессилии его воздействие может быть бесконечно более сильным, нежели воздействие какой-либо другой власти. Произведение искусства определяется не по его

размерам, а по красоте, которую оно являет, по инаковости, которую оно в себе несет и сообщает людям. Именно это принес в мир Христос – инаковость, которая нам кажется парадоксальной. Нам представляется абсурдным, что Бог решил выйти навстречу заблудившемуся человеку, для чего совлек с Себя Свою божественность. Мы бы поступили противоположным образом. Бог постоянно «смещает» нас с нашей позиции. Но, можно так сказать, какую-то лепту в изменение мира Христос, совлекшись Своей божественности, всетаки внес! В этом-то и состоит «неуравновешенная» сила христианства, христианского присутствия: везде, где оно переживается по-настоящему, христианство порождает новую жизнь, даже если кажется бедным, маловажным. Церковь есть такая красота в мире, и она всегда творит все новое. Вот великий вклад, к которому призваны христиане именно сейчас, при тех цифрах, что мы имеем. Для нас в этом – новое начало. Для Церкви же это «давняя история», как говорится в «Послании к Диогниту». Оно рассказывает, в чем заключалось истинное свидетельство христиан первых веков, когда, на первый взгляд, они ничего не значили. Именно к такому свидетельству призваны сегодня и мы.